

ТРУДЫ КАФЕДРЫ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

М. Ш. Магомед-Эминов

ПСИХИКА КАК РАБОТА

В фокусе внимания статьи — обоснование психики как психической работы, опосредствующей деятельность человека, а также поиск методологических и теоретических оснований психологической помощи, не совпадающей ни со сферой психологической практики, ни с прикладной теорией. Психологическая помощь понимается с точки зрения феномена заботы — душевной работы, работы личности. Проблема рассматривается через призму взглядов отечественных и зарубежных психологов и философов (А. Бергсона, Л.С. Выготского, Э. Гуссерля, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, М. Хайдеггера и мн. др.). Автор предлагает идею двойного перехода («психологии в жизнь» и «жизни в психологию») и двойного горизонта тематизации и понимания — «имманентно психологического» и «трансцендентно психологического» (метапсихического), а также развивает взгляды относительно темпоральной работы личности, что важно для продуктивного рассмотрения психологии психологической помощи как структуры, включающей методологию, теорию, психотехнологию, обучение, практику, образ жизни.

Ключевые слова: феномен заботы, психологическая практика, психологическая помощь, транзитный феномен, культурно-историческая работа личности, темпоральная работа личности, темпоральный феномен, темпоральность.

The article is focused on psychic as a work and the psychological help as a phenomenon of care — the work of personality. In order to lighting the points of discussions on interaction between psychological theory and practice, the author analyses the variety of scientific views and thoughts: A. Bergson, L.S. Vygotsky, E. Gusserl, A.N. Leontiev, S.L. Rubinstein, M. Heidegger et al. In this work the idea of double transition: psychology to life and the life to psychology is suggested. This concept also conditions concepts of doubled horizon: immanent psychological and transcendent psychological. In that context the theory of temporal work of personality is developed to show the psychology of psychological help with its methodology, theory, psych technology, education, ethics, and way of life.

Key words: phenomenon of care, psychological practice, psychological help, transitional phenomenon, cultural-historical work of personality, temporal phenomenon, temporal work of personality, temporality.

Магомед-Эминов Мадрудин Шамсудинович — докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой экстремальной психологии и психологической помощи ф-та психологии МГУ.
E-mail: m_sh_m@mail.ru

Статья публикуется в авторской редакции.

Основной целью настоящей статьи является обоснование понимания психики как работы — психической работы, опосредствующей, обслуживающей деятельность субъекта, связывающую его с объективной действительностью — для постановки, а где возможно и разрешения ряда остроактуальных вопросов современной теоретической и практической психологии. Употребляя термин «работа» в контексте психики, мы имеем в виду, что в психической работе, работе личности человек не только отражает, создает, познает, объясняет мир, но и творит его, конструирует, осуществляет в практике жизни, практике бытия особые способы существования, модусы бытия, формы жизни. Существенным моментом этого определения является различие понятий работы и деятельности, требующее, как мы проясним далее, темпоральной трактовки деятельности и разделения понятий темпоральности и времени (неважно, понимается ли время как число, мера или форма, т.е. временная форма). Необходимость предлагаемой трактовки психики продиктована рядом причин, прежде всего: 1) проблемами, обусловленными парадигмальной трансформацией научной рациональности, породившей идею смерти субъекта и утраты метанаррации (Фуко, 1994; Gergen 1991; McAdams, 2001; Sarbin, 1986), 2) неустойчивостью, неравновесностью, экстремальностью, проникающей чуть ли не во все сферы человеческого существования, в том числе в научную рациональность, 3) поиском методологических и теоретических оснований для понимания психологической помощи как особой практики заботы, или душевной работы, работы личности.

Основным методологическим принципом для разворачивания этой идеи является следующее положение. Человек, осуществляя определенные формы бытия, жизни, способы существования, многообразие жизнедеятельностей, работает с ними, обращается с ними, относится к ним, связывая их в единство многообразия, свершая темпорально протяженную историю собственного бытия в «со-бытии» с Другими, решая задачи на смысл, осуществляя поступки (в работе «поступания»¹), трансформируя, конструируя собственную идентичность и идентичность Другого, осуществляя заботу о себе и о Другом. В этом положении известный принцип философии практики (Маркс, Энгельс, 1955—1966) и культурно-деятельностной психологии (Выготский, 1982; Леонтьев, 1983; Рубинштейн, 1997) о том, что «психическое», «человек», «личность» понимаются на основе ансамбля отношений, реализуемых в многообразных деятельности, дополняется принципом конструктивной работы. «Психическое» вводится с точки

¹ Мы различаем поступок и работу поступания, в которой поступок осуществляется и живет, как форму работы личности. Человек, свершая поступок в работе поступания (термин «поступание» М.М. Бахтина, который использовал его как «поступление» — см.: Бахтин, 2003), воспроизводит универсалии, общественно-исторический опыт в индивидуальном, уникальном, единичном поступке как одном из моментов его целостной жизни, бытия. В поступке связываются универсальное и уникальное посредством работы поступания.

зрения работы соотнесения: человек, осуществляя жизнедеятельность, работает с ней; осуществляя бытие, работает с ним; существуя в мире, работает с собственным существованием. Мы утверждаем, что человек не только осуществляет жизнедеятельность как субъект, но работает с жизнедеятельностью и собственной субъектностью, субъективностью, т.е. человек делает нечто с собой, делаящим нечто с предметом. Психическая работа возникает в месте раздвоения жизнедеятельности, бытия и соотнесения разделенных форм жизнедеятельности, что требует различения работы и деятельности и процессов, их связывающих.

Работа и деятельность в контексте психики

Чтобы развернуть нашу аргументацию, требуется уточнить понятие психической деятельности человека посредством выделения понятия психической работы (в том числе внутренней работы личности) и соотнесения его с понятием деятельности. Прежде всего, мы разделяем психическую работу человека и деятельность субъекта, связывающую его с объективной действительностью. Психику мы рассматриваем как работу — психическую работу, которая опосредствует деятельность субъекта, направленную на предметный мир. Значит, психическая деятельность (и внутренняя, и внешняя) — это деятельность, связанная с психикой, обслуживаемая психикой, т.е. психической работой. Психика как работа служит деятельности, является ее инструментом, средством, но и деятельность служит психике. Однако для нас эта служба двулика (как двуликий Янус): она не только ориентирует субъекта, но и осуществляет жизнедеятельность, бытие, т.е. имеет план конструктивной, экзистенциальной работы. Более того, психика как экзистенциальная служба, служение, форма практики жизни, вновь раздваивается: с одной стороны, психика является инструментом деятельности, т.е. работой по осуществлению жизнедеятельности, жизни, существования, бытия; а с другой стороны, психическая работа является инструментом становления человеческого в человеке, конструирования самоидентичности, творения себя, созидания истории личности².

² Психика, как известно, опосредствует деятельность (Леонтьев, 1983), обслуживает деятельность (Иванников, 1998). Б.С. Братусь (1997) считает, что личность — это служебный инструмент в руках человека, который используется для становления человеческого в человеке, родовой сущности и т.д. Это опосредствование, обслуживание мы рассматриваем как работу, и в этом состоит суть предлагаемого подхода. Таким образом, трактовка психики как работы позволяет разделить два плана психики (в действительности этих планов три, если учесть уже отмеченную работу по конструированию, созданию образа мира). Один план — психика как инструмент жизни, т.е. работа, осуществляющая деятельность, жизнедеятельность. Второй план — психика как духовная практика по конституированию, творению смыслов, ценностей и осуществлению синтетической работы утверждения высших ценностей, духовных измерений бытия. Наконец, третий план — конструирование, создание образа мира — имеет «отражательный» и рефлексивный аспекты.

По сути, речь идет о необходимости разделения в душевной работе, в психической работе, т.е. в психике двух планов: профанного — мирского, связанного с повседневной жизнедеятельностью, по сути, с деятельностью; и сакрального, или неповседневного, связанного с трансценденцией деятельности, с выходом за пределы деятельности в план творения, созидания, трансгрессии, высших ценностных измерений, в сферу духовной практики, сферу нравственной работы. В других терминах, например Г. Гартмана (Hartmann, 1958), мы можем сказать, что, с одной стороны, психическая работа находится на службе деятельности, на службе адаптации; а с другой стороны — на службе трансформации, преобразования, трансгрессии, творения и т.д., т.е. на службе личности, субъекта.

Важно учитывать, что человек, работая с деятельностью, связывающей его с миром, создает, конструирует, творит образ мира и осуществляет определенный способ бытия, форму существования, образ жизни. При этом психика как работа понимается и в плане собственно психологическом, т.е. в плане психических функций, процессов, состояний, свойств, как внутренняя работа, и в плане метапсихологическом — в плане обращения личности с собой и с Другим, т.е. работы личности с собой (практика себя, забота о себе) и работы личности над Другим (практика Другого, забота о Другом). При этом в метапсихологическом измерении, трансцендентном собственно уровню психических функций, мы различаем абстрактный общепсихологический уровень и конкретный экзистенциальный план отношения человеческой индивидуальности в собственном бытии с другим бытийствующим индивидуумом. Чтобы обосновать экзистенциальный план психической работы, мы осуществляем переход в трактовке психики, деятельности от структурно-морфологической, т.е. пространственной, к динамической, т.е. к темпоральной трактовке деятельности человека. Темпоральность, прежде всего, требует рассмотрения процессов жизнедеятельности субъекта как перехода временных форм жизнедеятельности. Обратим внимание на то, что «мостиком» для этого перехода является психическая работа, в которой временные формы жизнедеятельности различаются и связываются для утверждения существования человека, его воспроизведения и производства (творения).

Психическая работа как работа связывания и различения

Сущность психической работы схватывается в процессах развязывания и завязывания в узлы функций (Выготский, 1983), деятельностей, форм жизнедеятельности — единиц жизни (Леонтьев, 1983). Действительно, конституирование психической работы связано с феноменом разделения процессов жизнедеятельности субъекта (Леонтьев, 1981) и самого субъекта, превращающегося в Номо-duplex (Выготский, 1986), и с феноменом связывания соответствующих трансформаций. Психи-

ческая работа эксплицируется, открывается в переходе форм жизнедеятельности — в горизонтальной, или малой, динамике, т.е. во внутридеятельностных переходах, и в вертикальной, или большой, динамике, т.е. в междеятельностных переходах. В этой работе функции завязываются в узлы, образуя высшие психические функции (назовем ее внутренней работой), а деятельности завязываются в узлы личности (назовем это работой личности, которая имеет также план внутренней работы). Вот эти два феномена — работа различения и работа связывания — позволяют нам ставить вопрос о проблеме единства и многообразия предметности, деятельности и субъектности (идентичности, личности, человека) в психологии с точки зрения психической работы.

Психика как работа соотнесения наличного и неналичного

Следующий шаг нашего анализа предполагает обоснование психической работы как соотнесения наличного и неналичного — присутствия и отсутствия, ближнего и дальнего, собственного и несобственного, своего и чужого, бытия и небытия, видимого и невидимого. Соотнесение наличного и неналичного, конечно, происходит в сфере разрыва между наличным и неналичным, в которой осуществляется транзитная работа. Психика возникает в разрыве. Эту идею мы проработаем, отталкиваясь от культурно-исторической методологии. Действительно, психика схватывается в своей сути: 1) на основе разделения, раздвоения процессов жизнедеятельности, α (абиотических) и α (биотических) стимулов (Леонтьев, 1981), стимулов-средств и стимулов-объектов (Выготский, 1983) и 2) их связывания в опосредствующие структуры для утверждения существования, воспроизведения и производства себя и Другого (Маркс, Энгельс, 1955—1966; Леонтьев, 1983), овладения собой в драмах жизни и творения, конструирования себя (Выготский, 1986). Хотя этот текст и говорит сам за себя, один из его фрагментов о соотношении абиотического и биотического факторов в наших терминах можно интерпретировать как соотношение наличного, видимого, указывающего, намекающего на невидимое, неналичное, которое является необходимым для утверждения существования, т.е. является экзистенциальным объектом. Если следовать А.Н. Леонтьеву, то яркая кожа яблока всего лишь символизирует, скрывая мякотную, нужную часть, до которой еще надо добраться. Человек — существо далей. «Здесь и теперь» его личности надо определить из «там и тогда», т.е. «оттуда», из далей. Женщина, потеряв после инсульта способность свободно двигаться, говорила: «Как я мечтаю, как я хочу, чтобы я могла ходить! Тогда я бы пошла купить хлеб в самый-самый дальний магазин на окраине Москвы». Мы живем в будущем, которого еще нет, и в прошлом, которого уже нет.

Оформим теперь наше рассуждение в следующем положении. Психическая работа разделяет (работа разделения, различения) еди-

ную форму жизнедеятельности, бытия, существования индивидуума на наличное и нелачное, соотносит (работа соотнесения) и связывает их (работа связывания) — для утверждения своего существования (собственного и несобственного), воспроизведения и производства, творения идентичности Я и Другого.

Таким образом, психическая работа вводит в бытие человека небытие, в наличное — нелачное так, что сама работа, деятельность, существование человека определяется из разрыва, промежутка, медиальной сферы между наличным и нелачным, ближним и дальним, собственным и несобственным, начинанием и завершением. В темпоральном плане психическая работа вводит небытие, отсутствие в настоящее, раздвигая, расширяя его двумя горизонтами — горизонтом продолжения бывшего и горизонтом начинания будущего. Именно в работе происходит первичное связывание пространства и времени в деятельности человека, а в образе мира — симультанного и сукцессивного. В работе овременения пространства и опространствования времени мир предстает как объемный, панорамный, текучий и изменчивый, в котором мы рождаемся, живем и умираем. Если в психической работе соотносятся наличное и нелачное, то мы можем утверждать, что именно она является инстанцией соотнесения профанного и сакрального, т.е. сферой, в которой за вещами и явлениями открывается таинственное, нуминозное, чудесное, мифопоэтическое. Тогда посредством психической работы одушевленный человек (человек временной, конечный) является транзитным субъектом, идентичностью — медиальной личностью, всегда пребывает в чем-то, прибывая откуда-то и двигаясь куда-то. Завязывание узлов личности происходит не внутри, а в бытии (Леонтьев, 1983), поэтому рассмотрим психическую работу в практике жизни, в практике бытия.

Психологическая практика как форма практики жизни

Термин «психологическая помощь» чаще всего используется в обыденном значении и до сих пор не получил концептуального оформления. Так, Л. Бремер и Э. Шостром говорят о «терапевтической психологии» (Bremmer, Shostrom, 1968), другие авторы — о «терапевтическом психологическом знании» (Гулина, 2001), «консультативной психологии», «психологическом консультировании» (Кочунас, 2005), «психотерапии» (Карвасарский, 1999; Рудестам, 2006; Соколова, 2002), «психокоррекции» (Спиваковская, 1988). Многие психологи справедливо указывают на отсутствие или слабую разработанность собственно психологической теории практики, а также на отсутствие научной интеграции разнородного опыта психологической, психотерапевтической, консультативной помощи (Васильюк, 2003; Гулина, 2001).

Обычно психологическую практику рассматривают в форме прикладной психологии или практической психологии. В современной пси-

хологии складывается также психологическая практика, основанная на психотерапевтической парадигме и связанных с ней консультировании и коррекции. Мы считаем психологическую практику формой практики жизни. Раскроем эту точку зрения, отталкиваясь от вышерассмотренных положений и трактовки психики как работы — внутренней работы, работы личности над собой и Другим. Прежде чем это сделать, нам нужно уточнить понятие деятельности в таком ключе, чтобы мы могли наметить переход от абстрактной психологии к конкретной психологии жизни. В современной психологии деятельность рассматривается двояко: как объяснительный принцип, категория и как предмет психологии. Не вдаваясь в дискуссии, эти две точки зрения мы дополняем третьей — рассмотрением деятельности как «единицы жизни» (Леонтьев, 1983), формы жизни, формы существования, способа бытия, и этот третий план мы назовем экзистенциальным планом. Говорить о деятельности здесь означает рассматривать живого, конкретного человека в жизни, в существовании, в бытии, но всегда в конкретной онтологии и конкретной экзистенции — в конкретной культурно-исторической форме существования, форме жизни и т.д. В отличие от экзистенциализма, экзистенциальный план деятельности в нашем подходе уточняется с точки зрения психической работы, одушевляющей деятельность (термин А.Н. Леонтьева), и, следовательно, одушевляющей существование. Тогда рассмотрение человека в существовании, жизни, бытии (что стало в последнее время модной идеей) уточняется с точки зрения практики жизни — в практике жизни человек работает с собственной жизнью, занимая позицию, осуществляя поступки. Напомним: человек в собственном существовании, жизни работает с собственным существованием, жизнью с той или иной позиции и т.д. Существование и работа существования различаются. Кроме того, теоретическая и практическая деятельность являются формами практики жизни.

Так как психика есть работа над собственной (и несобственной) деятельностью, жизнью, бытием, т.е. практикой, то психологическую практику, в которой происходит трансформация психической работы (в том числе межличностной, синергийной работы), назовем «психологической работой». Таким образом, мы рассматриваем психологическую практику с точки зрения психологической помощи, которую мы понимаем как форму практики жизни.

Основываясь на этих идеях и признавая необходимость разделения практической психологии и психологической практики, а также и разработки методологии, теории и психотехники практики (Василиук, 2003), мы предлагаем осуществить следующий шаг — разделить психотерапевтическую помощь и психологическую помощь. Подобное разделение позволяет нам уточнить интенциональную направленность психической работы как направленность на осуществление практики заботы, т.е. работы личности, в которой осуществляется забота о себе

и забота о Другом. По сути, современная психотерапия скрывает за-
таенный план психической работы по восстановлению, развитию и
трансформации способности заботы и радикально проблематизирует
психологию (Магомед-Эминов, 2007).

Для того чтобы поставить проблему психологической помощи
собственно в психологии на собственных основаниях, надо, во-первых,
признать качественную психологическую специфику этой помощи,
дифференцируя ее от медицинской помощи. Во-вторых, определить
интенциональную направленность психологической работы в форме
оказания помощи, имеющей иной смысл, нежели лечение. Предме-
том психологической работы является забота о конкретном, индиви-
дуальном человеке, озабоченном проблематичностью собственного
существования в «со-бытии» с Другим в переходах повседневного и
неповседневного модусов бытия.

Сформулируем основной тезис этой части анализа: мы намечаем
переход от лечения разговором, шире — лечения дискурсом, вербальным
и невербальным, образным, телесным и др. (“*talking cure*”), к психологи-
ческой работе как работе заботы (“*taking care*”). Специально оговорим,
что мы не разрабатываем версию экзистенциальной психологии, так
как оспариваем, точнее, деконструируем экзистенциальный солипсизм
бытия-к-смерти, игнорирующий фундаментальное значение утраты
Другого, т.е. бытия без Другого. Мы раскрываем заботу как транзит-
ный феномен, определяющийся на перекресте заботы о себе и заботы
о Другом. Транзитная личность пребывает не внутри и не вне, а всегда
на пороге, в медиальности, между собой и Другим, между этими двумя
сталкивающимися в согласии или разногласии идентичностями.

Темпоральный подход к деятельности

Так как свойства психики мы рассматриваем с точки зрения
взаимодействия, связей, движения процессов жизнедеятельности, то
обратимся к феномену темпоральности как основанию жизнедеятель-
ности. Мы предлагаем развить культурно-деятельностную психологию
на основании темпорального понимания деятельности человека. Тем-
поральная трактовка деятельности человека не отменяет известную
структурно-морфологическую точку зрения, а дополняет и развивает
ее. Тем самым мы прорабатываем динамическую парадигму в теории
деятельности (Асмолов, Петровский, 1978; Леонтьев, 1983) на основе
темпоральной трактовки деятельности и деятельности-смысловой
трактовки человека в жизни. Чтобы предложить темпоральный подход
к деятельности, мы прежде всего введем в психологию понятие тем-
поральности, отличая его от традиционного понятия времени. Время,
как и пространство, являются общенаучными понятиями психологии,
как и прочих наук: всякая деятельность рассматривается в психологии
и в пространстве, и во времени. Но как только мы берем время, или

временность, за основание деятельности, а саму деятельность трактуем как одушевленную деятельность одушевленного человека, то время, временность (или темпоральность), принятые за исходные основания, дифференцируются на два плана, один из которых мы продолжаем обозначать как время (неважно, о какой временной форме идет речь — физической, феноменологической и др.), а другой — как темпоральность. Так мы отстаиваем тезис: время, которое рассматривается как мера и форма — временная форма процесса, изменения, движения, становления, трансформируется, когда она берется как основание деятельности. Она трансформируется и обнаруживает в себе переход временных форм и дифференциацию на два плана, которые мы обозначаем как время и темпоральность. Темпоральность — это переход временных форм в темпоральной работе.

Если это так, то надо различать временную форму деятельности (ее временную организацию) и работу, в которой временная форма, формация деятельности производится, конструируется, создается, строится, синтезируется. Путем раздвоения (далее — мультивокальности) деятельность движется во времени, ибо темпоральность ставит жизнедеятельность человека в становлении иным и иным, как считали еще Платон, Аристотель и Плотин. Именно на темпоральной почве мы вводим понятие работы, в отличие от деятельности.

Итак, в отличие от традиционной точки зрения, когда на психику смотрят с точки зрения образа, ориентировки, отражения, мы выделяем в психической работе два плана: 1) конституирование образа мира; 2) работа по осуществлению деятельности, жизнедеятельности, способа существования, способа бытия, т.е. осуществление определенной практики заботы о жизни, о Другом, о себе, осуществление поступка и т.д. В свою очередь второй план подразделяем на: 1) работу осуществления деятельности, жизнедеятельности (внешней деятельности, внутренней деятельности); 2) работу по утверждению определенного способа существования, способа бытия, духовную работу, духовную практику по воспроизводству и производству духовных ценностей. Что касается понимания времени как числа, меры движения (Аристотель, 2002), временной формы (Кант, 1964), то мы, разделяя темпоральность и время, трактуем темпоральность, временность как переход временных форм, временных процессов, различающихся и связывающихся в темпоральной работе.

Познание себя и забота о себе и о Другом

Психологическая помощь явно или неявно строится на принципе познания себя, или следуя лозунгу «знание — сила». Однако психологическая помощь имеет еще более глубинные основания. Это забота о себе и забота о Другом. Чтобы развернуть этот тезис, отметим, что развитие динамической психологии, восходящей к экзорсизму, магне-

тизму, гипнотизму, катартическому методу, методу «психологического анализа» Жана и «психоанализу» Фрейда, сошлось в методическом принципе «лечения разговором» — “*talking cure*” (обозначим его как *ТС*). *ТС* основывается на работе символаобразования — все три источника несут некоторый загадочный, таинственный, скрытый смысл, значение, код, шифр. Фигура психологической помощи восходит к знатоку этих таинственных, загадочных, символических форм.

ТС в достаточно полной мере включает в качестве дискурсов не только вербальные нарративы, но и широкий круг образных, двигательных, акциональных, экспрессивных, дискурсивных практик смыслотворчества и работы семиотических структур. В любом случае, объяснительно или описательно, описательно или конструктивно, естественнонаучно или гуманитарно, *ТС* продолжает быть лечением посредством работы дискурса. Однако лечение разговором, построенное на просвещении, переживании, инсайте, понимании, скрывает онтологический горизонт работы заботы.

Придерживаясь двух планов психической работы: 1) работы по конституированию образа мира, которая соответствует «отражению», рефлексии, ориентировке и др.; 2) работы по осуществлению жизнедеятельности как форм жизни, форм существования, форм бытия, т.е. экзистенциальной работы по осуществлению заботы о бытии личности, мы будем выделять два принципа — принцип познания (понимания, объяснения) и принцип заботы. Концепция заботы о себе, практики себя М. Фуко³ приводится в связь с концепцией заботы М. Хайдеггера и трактуем ее с новой точки зрения культурно-исторической работы личности, в которой забота и практика себя открывается в заботе о Я и о Другом. Утверждается, таким образом, что принцип познания необходимо основывать на горизонте онтологии заботы и работы заботы. Это положение мы продумываем, исходя из философии практики Маркса, фундаментальной онтологии М. Хайдеггера (1997). Таким образом, принцип заботы (о себе, о Другом и о бытии) и принцип познания себя берутся во взаимопроникновении и внутренней связности. Принцип заботы выражается в работе, практике по осуществлению определенного способа бытия и вводит проблему преобразования, творения, изменения. Значит, психика не только познает, но и является заботливой работой (инструментом, служебной работой) по осуществлению жизнедеятельности, форм бытия, форм существования. Забота выражается в службе, служении, даже еще в более широком смысле — для стяжания сакральности, приобщения к высшим ценностям бытия, синтеза с трансцендентным объектом. В конкретно-психологическом плане такие феномены, как феномен материнского ухода (шире — родительской за-

³ М. Фуко (2007) считает, что в греко-римской культуре забота о себе предшествует принципу познания себя — дельфийскому лозунгу «Познай себя».

боты) и репрезентации «хорошей матери» Винникота, интерпретируется нами в онтологическо-темпоральном термине «забота». При этом мы переворачиваем феномен потребности в заботе, объясняя, как у самого ребенка формируется феномен заботы о Другом (Магомед-Эминов, 2007). В отличие от М.Фуко мы рассматриваем заботу о себе соотносительно заботы о Другом. Более того, утверждаем, что забота о себе возможна только как забота о Другом. Феномен заботы определяется на перекрестье заботы о себе и заботы о Другом и является, следовательно, транзитным феноменом. Личность медиальна и определяется между Я и Другим, между заботой о себе и заботой о Другом.

Помогающая психология

Если, согласно развиваемой нами точке зрения, принять в психологии принцип заботы (работы над собой и работы над Другим) за основание принципа познания, то необходимо дополнить традиционное теоретическое и эмпирическое познание практикой помощи. Кроме того, помимо описательной и объяснительной научно-психологических установок, следует учесть горизонт помогающей психологии, направленной на осуществление заботы — конструктивной, порождающей работы, практики заботы о Другом и о себе.

Сама психология должна совершить переход: не только объяснять явления и описывать феномены, но выйти в особую помогающую ситуацию, требующую преобразования, деятельной («работающей») заботы. Ф.Е. Василюк (2003) разработал подход «понимающей психотерапии» на основе перехода от переживания к молитве. Мы предлагаем продумать психологическую помощь на основе перехода от сознания, понимания к заботе, т.е. как «помогающую психологию». Человек, оказываясь в многообразии связей, деятельностей, способов бытия, реальностей, в драмах, трагедиях и т.д., т.е. в транзитной ситуации существования, не только осуществляет заботу о жизни и бытии, но и требует заботы. При этом забота как оформляет в единство, целостность, завершенность, полноту личности (это лишь одна сторона, подчеркивающая становление самости), так и размыкает самоидентичность, личность, субъекта навстречу жизни, бытию, более того — приобщению, единению с Другим.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ известное изречение К. Маркса о том, что философия объясняла мир, в то время как его надо изменять, и, применяя его в мягкой форме, накладывая этико-эстетический запрет на властный захват человеческой личности, мы можем сказать, что психология должна не только объяснять и описывать, интерпретировать и понимать, но и помогать, содействовать изменению, трансформации бытия человеческой личности в жизненном мире. Принимая к сведению предостережение о дегуманизирующей функции техники и таящейся в ней опасности, в существе которой пребывает человек (Хайдеггер, 1993), ситуация по-

мощи включает в себя нравственное измерение. Психотехника должна быть развернута в сфере не просто личности, но личности, «имеющей» нравственное измерение (Братусь, 2006) и изменяющейся личности в изменяющемся мире (Асмолов, 2007). «Помогать» трактуется в горизонте заботы, что позволяет говорить о психологии помощи как о заботе. Забота интерпретируется нами как работа личности в «со-бытии».

Трансформация идентичности

Забота о бытии, жизни, существовании и забота о себе и о Другом требует трансформации личности, идентичности и трансформации жизнедеятельности. Феномен трансформации принимается за основание понимания и психики, и деятельности. Признание феномена трансформации, корнящегося в самом основании бытия человека, вступает в явное противоречие с тем, что философское по сути понятие субъекта, которое использовалось в психологии Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, С.Л. Рубинштейном, Д.Н. Узнадзе не в категориальном значении, превратилось в субстанциональную категорию субъекта, субъекта жизни, субъекта бытия, бытийных пространств, человеческого бытия. Более того, субстанциональному, тотальному, самостийному субъекту, автономной самодетерминированной идентичности, согласно Р. Барту, Ю. Кристевой, М. Фуко, объявлена смерть. Субъект «исчезает» в постмодернизме и конструкционизме, утратив онтологический статус, в плюральных, межкультурных кодах, дискурсивных практиках, самонарратациях, текстах, семиотических структурах у Дж. Брунера, К. Гегена, Р. Лифтона, Д. МакАдамса, Х. Маркуса, П. Нури, Т. Сарбина, Р. Харре и др. Тем самым поднимается альтернативная пост-постмодернистская проблема воскресения субъекта и выхода из кризиса идентичности. В психологии возникает фундаментальный вопрос о единстве многообразия личности: «Как творится единство человека изменчивого, текучего, как сама его жизнь, и вместе с тем сохраняющего свое постоянство (идентичность)?».

Для решения и концептуализации данной проблемы положение о том, что внутренняя работа осуществляется в бытии личности, надо развернуть в переходе от работы структурирования к работе существования и принять более объемлющее понятие культурно-исторической работы личности с опытом бытия личности в «со-бытии» с Другим. Для воскресения идентичности и соответствующей позитивной трактовки трансформации личности мы рассматриваем культурно-историческую работу в самом основании конкретного индивидуального бытия личности в совместном мире.

В культурно-исторической работе личности человек в собственном культурно-историческом бытии (ансамбле отношений, реализуемом в многообразных деятельности, способах существования) относится к собственному бытию (в «со-бытии») с той или иной позиции, свершая

поступок, решая задачу на жизненный, бытийный смысл, изменяя себя (и другого), осуществляя заботу (о себе и о Другом).

Применив эту идею к субъекту, который умирает в современном постмодернизме, утратив основание, метанаррацию, мы можем сказать, что он воскресает в работе личности над собственной субъектностью. Недостаточно быть субъектом как субстанцией или подлежащим, о котором сказываются истории, необходимо создавать в собственной работе над собой и другими свою субъектность. Значит, конструирование субъекта, идентичности надо раскрыть из диалектики взаимодействия работы умирания и работы воскресения (как двух образующих работы личности), что по-новому ставит проблему «смерти субъекта» (Фуко, 2007) и «смерти бога» (Ницше, 1990) в современной психологической и философской антропологии. В культурно-исторической работе личности идентичность конструируется как единство многообразия в диалектике повторения и различения: 1) она повторяется как то же самое — воспроизводится, и 2) становится иным и иным, т.е. различается. Следовательно, в культурно-исторической работе самотождественность (модернизм) и самонетождественность (постмодернизм) различаются. Это возможно по той причине, что культурно-историческая работа — это «связующее различие», преодолевающее односторонность и модернистской связности структур, и постмодернистского различения. Идентичность определяется нами на перекрестье Я и Другого в заботе о себе и заботе о Другом, в смысле для меня и смысле для Другого.

Постмодернистская антропология и психология трактуют идентичность с точки зрения текста, наррации, самоконструирования. Мы различаем наррацию и поступок, который определяется с точки зрения работы личности, т.е. работы «поступания», при этом считаем, что самонаррация, нарративная работа осуществляется в горизонте смысловой работы личности, в одушевленном бытии, а не в безлюдной онтологии или бумажной идентичности. В ходе культурно-исторической работы личности (и в производстве, и в присвоении опыта бытия) жизненный, бытийный смысл личности выражается в семиотических структурах, текстах, нарративах, дискурсах, в том числе, нарративной идентичности, автобиографической работе личности, а не наоборот, как это понимается в конструкционизме, постмодернизме, разрывающих деятельность и смысл. Жизненный опыт личности (в том числе, автобиографический опыт личности) не воспроизводится как фиксированная, застывшая картинка или фотография, а конструируется в темпоральной смысловой работе личности.

Для того чтобы ухватить этот феномен, необходимо рассмотреть многообразие деятельностей в связующей работе личности в событии «со-бытия» в мире. Личностный смысл, который определяется как «значение для меня» (Леонтьев, 1983), раздваивается, удваивается и в своей эквивокации (диалоге), двусмысленности определяется в транзитном

промежутке — переходе между смыслом для меня (Я есмь) и смыслом для Другого (Ты есмь). Кроме эквивокальной, диалогической трактовки личностного смысла, мы различаем смысл и смысловую работу, и кроме трех аспектов смысла, описанных Д.А. Леонтьевым (2003), выделяем экзистенциальный план — смыслы не только отражают жизненные отношения, есть также и работа осуществления определенного способа существования, модуса бытия.

Повседневное и неповседневное, ординарное и экстремальное

Противопоставление теоретического и практического, житейского и научного носит гносеологический характер. Мы предлагаем разделить повседневную и неповседневную реальность и связать их как единство различающихся модусов существования (Магомед-Эминов, 1996, 1998). В повседневности выделяется множество миров (Бергер, Лукман, 1995; Шютц, 2004), реальностей, но все они считаются разновидностями вертикальной реальности — повседневной реальности (Шютц, 2004). Конкретную, созидающую психологию жизни, в которой мы тематизируем психологическую помощь, необходимо также раскрыть в контексте двух фундаментальных модусов бытия личности — повседневном (ординарном) и неповседневном (экстремальном). Повседневный и неповседневный модусы бытия личности коррелятивны также повседневному и неповседневному жизненному миру. Говоря о повседневном жизненном мире, было бы целесообразно разъяснить нашу позицию относительно феноменологии Э. Гуссерля (2004), феноменологической социологии А. Шютца (2004) и социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана (1995). Шютц, развивая феноменологическую социологию, связывает понятие «жизненный мир» Гуссерля с естественным обыденным миром, образуя понятие «повседневного жизненного мира» как пред-данности научной реальности. Бергер и Лукман аналогичную идею повседневного жизненного мира используют для создания социологии знания, в рамках которой рассматривается то, как повседневные знания конструируют социальную реальность, являющуюся донаучной или квазинаучной. Повседневный жизненный мир в феноменологической социологии и социологии знания является схожим со средней повседневностью Dasein Хайдеггера (1997), в которой человек рассмотрен в рутинной, привычной, типичной обыденности, не охватывающей все формы человеческих реальностей. Так, вопрос, который Хайдеггер (1993) ставит как «открытие ничтожащего Ничто» человеку средней повседневности, подсказывает нам разделение повседневного модуса бытия личности и неповседневного модуса бытия личности, в котором человек переходит, осуществляет трансгрессию в сферу контакта бытия и небытия, жизни и смерти.

Феномен экстремальности понимается нами как проблематичность человеческого существования и определяется с точки зрения феномена

темпоральной предельности, который конституируется в двойной онтологической возможности существования: 1) «бытия-к-концу» — возможности невозможности и 2) «бытия-к-началу» — возможности подлинной возможности. Феномен экстремальности имеет не только негативный, но и позитивный аспекты и может быть полноценно рассмотрен в трансформационной триаде «страдание — стойкость — рост».

В качестве ключевых терминов и концептуальных понятий рассматриваются: смысл бытия и смысл небытия; L-смыслы и D-смыслы; предельный феномен и двойственное прочтение времени — временность как переживание конечности, краевой феномен, и временное, т.е. историчность личности в бытии (в том числе в условиях угрозы небытия). Связь экстремальности и темпоральности двояка: 1) в экстремальности разрывается связь времен, и человек оказывается в темпоральном разрыве; 2) но в темпоральном разрыве складывается, образуется новая временность. Таким образом, время множится, умножается и становится иным и иным. Однако экстремальность, экстатичность характерна всякой временности. Время как переход временных форм складывается в разрыве между временными формами в творящей темпоральной работе.

Заключение

Чтобы психология, которая «идет» в практику, жизнь, не превратилась в «практицизм» и эклектизм (кстати, высоко ценимый практиками), требуется теория и методология — философия практики (Выготский, 1982). Значит, абстрактная психология психики субстанционального субъекта должна быть дополнена конкретной психологией человека (человека одушевленного, временного). Конкретный человек рассматривается в бытии, в жизни, т.е. в практике жизни, практике бытия, для определения которых мы рассматриваем психику как работу. Психическая деятельность — это деятельность (внешняя и внутренняя), связанная с психикой, т.е. с психической работой. Психическая работа имеет два особых плана: 1) план отражения, рефлексии, осознания, конструирования образа мира; 2) план заботы, т.е. экзистенциальной работы по осуществлению деятельности, жизнедеятельности, способов существования, способов бытия, а также духовной, сакральной работы по утверждению способов существования и становления человеческого в человеке. В действительности, в психике мы выделили три ипостаси, если учесть еще конструирование образа мира, в том числе отражательно-рефлексивную работу. Для различения работы и деятельности мы вводим в психологию понятие темпоральности, отличая ее от времени как числа, меры и временной формы, и предлагаем темпоральный подход к деятельности, психике, человеку.

Привлекая понятие заботы к сакральности, мы можем утверждать, что духовная работа направлена на заботу о душе для реализации выс-

ших ценностей бытия и осуществления трансгрессии. Таким образом, мы можем говорить об одушевленной деятельности, т.е. о деятельности, опосредствованной психической работой, душевной работой. Душевная работа, таким образом, находится не только на службе деятельности, является средством деятельности, но и находится на службе спасения, развития, трансформации души. Но работа души происходит как синтетическая, совместная, синергичная работа. В терминах работы заботы (или практики заботы) мы можем выделить три формы: 1) заботу о конструировании образа, картины мира; 2) заботу об осуществлении деятельности, осуществлении формы жизни, формы бытия; 3) заботу об утверждении бытия личности, конструировании, творении себя и Другого, духовной практики, нравственной работы и др. В терминах служения (или служебной работы) мы можем говорить о трех ипостасях психики (психической работы): психика находится на службе образа мира; психика находится на службе жизни, жизнедеятельности, деятельности; психика находится на службе духовности, сакральности, поступка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. Метафизика: Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подгот. текста С.И. Еремеева. СПб.; Киев, 2002.

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007.

Асмолов А.Г., Петровский В.А. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // *Вопр. психологии*. 1978. № 1. С. 70—80.

Бахтин М.М. К философии поступка. Автор и герой эстетической деятельности (фрагмент) // *Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1.* М., 2003.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // *Вопр. психологии*. 1997. № 5. С. 3—19.

Братусь Б.С. Леонтьевские основания смысловых концепций личности // *Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра* / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 2006. С. 117—133.

Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1.* С. 291—436.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1983. Т. 3.* С. 5—328.

Выготский Л.С. Конкретная психология человека // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология*. 1986. № 1. С. 52—63.

Гулина М. Терапевтическая и консультативная психология. М., 2001.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.

Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М., 1998.

Кант И. Критика чистого разума // *Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3.* М., 1964.

Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. 1-е изд. СПб., 1999.

Кочунас Р. Психологическое консультирование. Групповая психотерапия. М., 2005.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М., 1981.

- Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М., 2003.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Личность и экстремальная жизненная ситуация // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1996. № 4. С. 26—35.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Трансформация личности. М., 1998.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Позитивная психология: В 2 т. М., 2007.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч.: В 39 т. М., 1955—1966.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 5—237.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М., 1997.
- Рудестам К.* Групповая психотерапия. СПб., 2006.
- Соколова Е.Т.* Психотерапия: теория и практика. М., 2002.
- Спиваковская А.С.* Профилактика детских неврозов. М., 1988.
- Фуко М.* Слова и вещи. М., 1994.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта. М., 2007.
- Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
- Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2004.
- Brammer L.M., Shostrom E.L.* Therapeutic psychology. N.J., 1968.
- Gergen K.J.* The saturated Self. N.Y., 1991.
- Hartmann H.* Ego psychology and the problem of adaptation. N.Y., 1958.
- McAdams D.P.* The Person: An integrated introduction to personality psychology. 3rd ed. Fort Worth, TX; N.Y., 2001.
- Sarbin T.R.* (Ed.). Narrative psychology: The stories nature of human conduct. Princeton, NJ, 1986.